

НА ОТДЫХ В КОНЦЛАГЕРЬ, ИЛИ ШЕКСПИР В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

ИЗВЕЩАНИЕ (ПРОБ. С. 288. «ИЗВЕЩАНИЕ»). — 1995. — 4 ИЮНЬ — С. 28

Летний отпуск в Дахау решает провести русский писатель Сорокин Владимир Георгиевич, 7.8.1955 г. рождения, беспартийный. Отдел виз и разрешений МГБ дает ему право на выезд, и май 1990 года русский писатель проводит в Германской Империи, в пыточных камерах нацистского лагеря. Каждый день — новая камера, каждый день — новые пытки. Духоголовая женщина в черной гестаповской форме руководит всеми унижениями и истязаниями. В конце русский писатель берет ее в жены по католически-православному обряду. Соединение насилия, секса, политической антиутопии и антигуманизма — не только сюжет, это материя, ткань повести Владимира Сорокина «Месяц в Дахау».

Дюссельдорфский драматический театр приехал в Москву, чтобы 10 и 11 мая показать постановку болгарского режиссера Димитра Гочева на новой сцене МХАТа им. Чехова. Интернациональный коллектив подготовил спектакль о великой дружбе народов — русского и немецкого, о патологической любви писателя-мазохиста и садистки-эзсовки. Актерский дуэт Самуэля Финци и Альмут Цильхер — субтильного интеллигента и плотной дамы в черном — сыграл эту постановку на грани истерии. Дрожжащие пальцы, изматывающие пронзительные крики, пластика истерзаных тел и мимика психически больных — блестящая игра дуэта Финци-Цильхер превращает в захватывающее зрелище один час и сорок пять минут, которые проживают зрители в концлагере вместе с героями. Параноидальный

монолог Сорокина разбит между двумя персонажами: палачом и жертвой. Их абсурдные действия: писатель рассыпает по полу чемодан с очками, нацистка надевает кирасу, их перемещения и переживания полны символического смысла. За каждым их жестом — трагедия людей и народов, которые обречены жить вместе, в мучительной любви-ненависти. Германия предстает перед взором театрала как страна, породившая двуликого монстра — Маргариту-Гретхен: обольстительную Лорелею и яростную Брунхильду в одном теле о двух головах. Герой столь же нежно обожает Лорелею, сколь искренне боится Брунхильды. Но одна неотделима от другой: и любя одну женщину, герой отдается во власть другой. Это навязчивое чувство русского к Германии инсценировано немцами безо всякой иронии: нудный поток речи вызывает к концу спектакля оскомины, усталость, а иногда — смех. Так, первое упоминание о том, как писателя заставляют есть «русскую девочку Лену Сергееву», способно породить брезгливость, отвращение, ужас. Но нарастающие страдания едока «супа из Лены Сергеевой», «леночкиного филе с грибами», «похлебки из леночкиных потрохов» и «гороховых кнелдлей на леночкином жиру» порождали только нервные смешки в зрительном зале.

Герой Сорокина «писатель Сорокин» любит героиню Гете — двуличную «Маргариту-Гретхен». В это самое время герой Шекспира «Гамлет, принц датский» влюблен в героиню Шекспира «Джульетту». События

разворачиваются в психиатрической клинике. Больной Г. играет Гамлета, больная Д. — Джульетту, больной К. — короля, больная К. — королеву. Прием литературной критики — «составительский анализ» — перенесен Сорокиным в драматургию. Два классических текста — «Гамлет» и «Ромео и Джульетта» — сталкиваются в пьесе «Дисморфомания». Столкновение происходит на фоне больничных стен и труб с журчащей водой, и третий текст — собственно сорокинский — властно вклинивается между монологами Шекспира, проникает в них. Автор разрушает барочную иррациональность мира — театра елизаветинских времен ради постмодернистской иррациональности мира — желтого дома наших дней. Новое безумие приходит на смену старому, но мир остается прежним: Гамлет и Джульетта лишены счастливой любви.

На малой сцене театра Ермоловой вот уже несколько месяцев идет постановка /Алексея Левинского. Идет без анонсов, без афиш, даже без билетов и платы за вход. Она не включена в план театра, никогда нельзя узнать точно — будет или не будет спектакль, потому что проходит он в свободное время, когда есть «дырки» в расписании. Спектакль тщательней законспирирован. Пройти можно, только назвавшись другом Владимира Сорокина. Сама ситуация напоминает хорошо продуманный пример драматургии советского абсурда — необходимость многократных звонков, с высказываниями и уточнениями того, будет ли все-таки пьеса идти в день Икс или ее перенесли;

объяснения с театральными администраторами по поводу того, кто такой Сорокин, и что такое пьеса «Дисморфомания» и «Действительно ли идет эта пьеса в нашем театре? Вы ничего не путаете?». Нет, ничего не путаю: «Дисморфомания», вернее, одна из ее частей действительно идет на малой сцене Ермоловского театра. Первый фрагмент — истории болезней — выпущен. Вторая часть пьесы блестяще сыграна коллективом молодых актеров, давно работающих с Левинским. Только одна — Елена Папанова («Кормилица») — из труппы Ермоловского, остальные — 2 профессионала из других театров и несколько любителей. Но это различие не ощущаешь в спектакле, который сыгран на едином дыхании людьми, которые хорошо знают друг друга. Центральные фигуры пьесы — Гамлет и Джульетта. Их лирические диалоги, их страстные монологи, их пластика определяют игру других актеров и поведение иных персонажей. Но главный герой пьесы Сорокина — врач: он ходит вокруг, он слушает, он произносит свои параноидальные монологи, которые не имеют никакого отношения к Шекспиру. Врач руководит молчаливыми санитарями. Врач — это brutальная власть: он определяет, кому делать уколы и когда ложиться спать. Врач управляет этим миром, который он создал. И пьесы Сорокина — это истории о героях, которые стремятся к свободе от этой власти, но никогда не получают ее.

Борис ЛИСИН